

© 1991 г.

КАСАТКИНА Р. Ф.

РЕФЛЕКСЫ *ѣ В НЕКОТОРЫХ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРАХ

В разных ареалах современного славянского мира *ѣ дает разные рефлексы. Это известное положение хорошо иллюстрируется материалами и картами 1-го выпуска Общеславянского лингвистического атласа, посвященного рефлексам *ѣ [1].

Разнообразие рефлексации *ѣ в диалектах современных славянских языков дало основание Штиберу [2] высказать следующую гипотезу: праславянское *ѣ реализовалось в звукотипе [e], который в одних языках и диалектах в процессе их развития сместился в зону средне-нижнего подъема и дал рефлексy [e̞], [æ], [e]. Такие гласные отмечаются в соответствии с *ѣ в западной и южной областях славянского мира. В других славянских диалектах праславянское [e] — воплощение *ѣ, по мнению Штибера, сузилось и поднялось по подъему, превратившись в звукотипы [i̞e] или [ē], и эти прототипы для современных рефлексов *ѣ как будто бы прослеживаются для всей восточнославянской территории.

Такая точка зрения, надежно аргументированная трудами А. А. Шахматова [3, 4], исследованием В. В. Виноградова [5], базирующимся на данных памятников и материале живых русских говоров, давно заняла прочные позиции в русистике.

Хотя в последнее время все чаще высказывается мнение о том, что восточнославянские, и в том числе русские, диалекты восходят к разным прадialeктам (см., например [6]) и многие различия современных говоров объясняются разным их генезисом, однако наблюдений над тем, что *ѣ может давать в современных говорах реализации, отличные от гласных средне-верхнего и среднего подъема, до сих пор не было.

Новые в этом отношении данные получены автором на основании изучения материала спонтанной речи современных говоров Архангельской обл. Фонетический строй этих говоров, не подвергавшихся массовому обследованию по специальной программе, поскольку они не были включены авторами Диалектологического атласа русского языка в его состав, изучен лишь фрагментарно. Однако даже немногочисленные описания отдельных сторон звукового строя архангельских говоров, опубликованные в последнее время, свидетельствуют о большой архаичности многих звеньев их фонетической системы. В этих говорах сохраняется целый ряд черт, обычно соотносимых со славянской архаикой. Так, например, в них до сих пор отмечается существование палатального ряда согласных (см., например [7, с. 65 и сл.; 8, с. 72 и сл.; 9, 10]).

По нашим наблюдениям, во многих архангельских говорах до сих пор доминирует апико-альвеолярный способ произношения переднеязычных согласных, что соответствует более архаическому состоянию артикуляционной базы, чем дорсальный способ артикуляции. Архангельским говорам свойственно противопоставление согласных не по глухости / звон-

кости, а по напряженности / ненапряженности [11], что также соотносимо с более ранним уровнем развития фонологической системы.

На фоне всех перечисленных фонетических архаизмов не может не вызывать удивления тот факт, что ни в одном традиционном архангельском говоре не сохраняется реализаций **ě* в гласных средне-верхнего подъема, как это наблюдается обычно в других архаических системах, будь то в севернорусских или в южнорусских говорах. Не наблюдается здесь и следов старого «узкого» **ě* в виде гласного [и] между мягкими согласными — явление, хорошо известное на всей остальной территории севернорусского наречия. Это состояние архангельских говоров побудило автора обратиться к более пристальному изучению материала живой диалектной речи и позволило сделать ряд дополнительных наблюдений.

Были использованы магнитофонные записи из следующих населенных пунктов Архангельской обл.: д. Белощелье, Смоленец и с. Койнас Лешуконского р-на, д. Ваймуша, Кеврола и Городецк Пинежского р-на, Верхняя Золотица Приморского р-на, с. Церковное Плесецкого р-на, д. Топса Виноградовского р-на (копия с записи диалектологической экспедиции МГУ). Прослушивание записей показало следующее:

1. Во всех упомянутых говорах спорадически представлены случаи более широких гласных в соответствии с **ě* в позиции 1-го предударного слога: [пр'асн^б, п'ашк^бом, бед^а, п'ас^бок, б'аг^ут, в л'ас^у-ту, иад^а, над'ал'йл, на м'еж^ах, р'ак^а, сн'еж^бок, сн'аж^бок, с'ер^би, б'ад^а, в л'ас^ах, в л'ес^у, уиад^ал'и, у р'ак'й]. Встречаются также случаи произношения твердых губных перед широким гласным на месте **ě* в 1-м предударном слоге: [бэж^бым, пэтух, пр'ибэж^ал'и, бэгу^т].

Подобные случаи отмечены также и в материалах ОЛА, т. I: р'ак^а (Приморский р-н), над'ал'йл (Виноградовский р-н). Отмечались они и Грандилевским в Холмогорском уезде: п^ат^ух, в^анч^ать, г^анз^б [12, с. 22], хотя и наряду с а из **ь*: в^арш^айна (там же).

Приведенные примеры единичны, они выглядят как исключения на фоне регулярных реализаций **ě* в гласных [е] и [и] (б'ег^ут и б'иг^ут; п'ес^бок и п'ис^бок) и т. п.).

Этимологические **e* и **ь* в тех же диалектных системах в позиции 1-го предударного слога чаще всего реализуются в [о]: [оз'орк^б, похл'об^аэш, п'окл'й, тр'оп^ал'и, н'ос^у]. Возможны также в этой позиции [е] и [и] (см. [13]). Впрочем, в отдельных редких случаях возможны и широкие гласные: [бр'авн^а, д'ер'эвн'а, м'ат^ат', пл'ат^ут].

Следовательно, в позиции 1-го предударного слога **ě* реализуется в следующих гласных:

	и
* <i>ě</i>	е
	а,

**e* и **ь* имеют следующие реализации:

	о
* <i>e</i> , * <i>ь</i>	е
	и
	(а)

Сопоставление этих схем дает основание говорить о разных рефлексах «ять» и «не-ять» в рассматриваемых архангельских говорах.

2. В позиции между мягкими согласными **ě* преимущественно реализуется в [е]: [жэз'д'ила, в'эн'ик, с'эв'ор, в'эт'ор, в л'эс'е, р'эч'ка, з'д'ес', з'в'ер', по р'эч'к'е, на м'эс'т'е, вм'эс'т'е, вм'эс'т'ах, жэз'дил, појэд'от,

пос'еил'и, ујед'ош, стр'ет'иш, с'ид'ел'и, м'ед'енка, фстр'ет'ил, пол'ен'иа, в этом м'ес'т'е, рад'еиут, п'ет'-то, н'ед'ел'и, пријед'от, л'ез'от, смотр'ет', св'ец'ка, п'ес'н'и, п'ел'и, коп'еика, куд'ес'ил'ас', пос'еиут, д'в'ес'т'и, з'д'ес'е]. Такое положение отражено в [1, 14]. См. также [12, с. 18]. Есть и исключения, но они крайне редки: [с'иал'и, с'им'а, фстр'ит'ил'и].

Этимологические *е, *ь также чаще всего реализуются в этой позиции в [e]: [д'ен', д'ен'г'и, в'ер'х, п'ер'вои], однако нередки случаи произношения [и] в соответствии с этими гласными в позиции между мягкими согласными: [д'ин', кон'иц', у ов'иц', ворон'иц, н'ин'ци, п'иц', д'в'ири, кр'ис'тик, в'ир'х, д'ив'ет', д'ис'ет', вр'им'ец'ко, с куд'ил'кои]. Это наводит на мысль о более узком характере гласного, в котором реализовались *е, *ь, по сравнению с реализациями *ѣ.

Отсутствие перехода *ѣ > и между мягкими согласными само по себе не представляло бы интереса для темы исследования, если бы оно не сочеталось с другим фонетическим явлением, а именно переходом *ѣ > е в той же позиции. Как и во многих севернорусских говорах, это явление широко представлено в говорах Архангельской обл. Ср. примеры: [оп'ет', гул'ет', гр'ес', дов'ер'еиу, д'ед'ина, вз'ел'и, п'ет'оро, отв'ец'еиут, накац'еемс'е, пов'ен'е, кац'еиуца, гл'ен'о, пр'им'ец'ел'и, стр'ел'ет', пот'ер'еем, гул'ел'и, гул'еиом, ф'игур'еем, нар'ед'иц'а, поправл'еица, кр'ес'т'јен'е, нар'ед'ат, нар'ед'еце, с'ед'ош, кокт'ем'и, т'ен'ош, т'ен'ом', пров'ер'ел'и, с'н'ел'и]. В единичных случаях *ѣ между мягкими согласными дает [и]: [с'ид'ош] (наряду с [с'ед'ош]), [пр'ис'н'ица] (наряду с [пр'ес'н'ица]) (устное сообщение О. Г. Гецовой).

Следовательно, рефлексy *ѣ и *ѣ в позиции под ударением между мягкими согласными совпадают: [з'д'ес' и гр'ес']; [смотр'ет' и гул'ет']. Это вызывает обоснованное предположение о том, что оба гласных, нейтрализованных в позиции между мягкими согласными, могли иметь в прошлом близкие звукопрототипы пониженного по сравнению с гласным е подъема, т. е. [ε, æ, eä, ea].

При этом необходимо отметить, что в зависимости от сочетания рефлексов *ѣ и *ѣ под ударением между мягкими согласными среди говоров русского языка выделяются 3 основных типа:

- I — И и Е (эдИсь и опЕть)
- II — Е и Е (эдЕсь и опЕть)
- III — Е и А (эдЕсь и опАть)

I и II группы говоров выделяются в севернорусском наречии, при этом территориально доминирует I; II охватывает большую часть архангельских говоров, не затрагивая только южную часть Архангельской обл.

Механизм перехода *ѣ > и и *ä > е подробно рассмотрен в статье Л. Л. Касаткина [15], где убедительно показано, что изменения двух гласных происходили параллельно, под ассимилятивным воздействием гласного переднего ряда последующего слога. Предполагается при этом, что *ѣ в севернорусских говорах реализовался в дифтонге [ea]: этот вывод Л. Л. Касаткин делает на основании данных современных архаических вологодских говоров, в которых дифтонг [ea] реализует <а> после мягких согласных и в наше время; *ѣ в этих же говорах реализуется в дифтонге [ie]. Процесс монофтонгизации двух дифтонгов, по мнению Л. Л. Касаткина, происходил следующим образом: «Изменение дифтонга [ea] перед мягким слогом, в состав которого всегда входил гласный не-

нижнего подъема... было аналогично изменению в этой же позиции дифтонга [иэ]: происходило повышение подъема второй части дифтонга [ea] и превращение его в [e]» [15, с. 343].

Однако и в тех говорах, где *ě реализуется не в дифтонге, а в монофтонге средне-верхнего подъема [e] (а такие говоры обследованы нами, например, в Свечинском р-не Кировской обл.), между мягкими согласными выступает [и]: [з'д'ис', з'в'ир', в м'ис'т'е, смотр'йт'].

Данные архангельских говоров, где не отмечен переход *ě > и между мягкими согласными, в то время как присутствует результат перехода *ě > é в той же позиции, заставляют предполагать в них для реализации *ě не дифтонг [иэ] и не монофтонг [e], а какой-то гласный, более широкий, чем e, т. е. один из ряда: [e, æ, (ea), (eä), (eä), (eä)]. Несовпадение рефлексов *ě и *ē в современных говорах в позиции перед твердым согласным (лес и ляд) свидетельствует о том, что эти гласные имели разные звукопрототипы. И если допустить, что *ě воплощалось в дифтонге [ea], как и в вологодских говорах, описанных Л. Л. Касаткиным, то для современного e < *ě следует восстанавливать какой-то иной прототип из приведенного набора гласных.

3. Материал спонтанной речи современных архангельских говоров позволяет отметить спорадические реализации *ě в позиции под ударением перед твердым согласным в гласном средне-нижнего подъема [e]: [л'ес, л'ето, хл'ец, б'ес'еда и б'ес'еда]. В словах лес, лето, беседа е — открытое слышалось неоднократно. Таких открытых гласных на месте этимологического *ě не зафиксировано в говорах Вологодско-Кировской группы севернорусского наречия, для которых восстанавливается «узкий» *ě.

Разные источники сообщают единичные сведения о произношении а на месте *ě под ударением перед твердыми согласными в некоторых словах, ср. примеры: цялый [1], тястице [16, с. 327], до сях пор [17, с. 17], здялал [17, с. 16], прясной [17, с. 17], сляга [12, с. 8]. Все эти случаи относятся к северной и северо-западной территории России: д. Койда Приморского р-на Архангельской обл., б. Беломорский у. Арханг. губ., б. Холмогорский у. Арханг. губ., б. Олонецкая губ., б. Пудожский у. б. Архангельской губ. Исключение составляет только б. Никольский у. б. Вологодской губ. [17, с. 17].

Если фонетические данные, приведенные выше, свидетельствуют в пользу высказанного предположения, то в свете этого нового взгляда на качество *ě на части севернорусской территории могут быть рассмотрены и некоторые факты морфологии этих говоров.

Как и во многих севернорусских говорах, в значительной части архангельских представлены формы сравнительной степени прилагательных на -ае: бедняе, скоряе, веселяе, смеляе и т. п. (см. также [12, с. 22]).

К сожалению, лингвогеографического описания Архангельской области до сих пор нет, поэтому отсутствует и представление о распространении в архангельских говорах форм сравнительной степени прилагательных на -ае. Согласно устному сообщению О. Г. Гецовой, эти формы отмечены в говорах по Северной Двине и ее притокам, на части побережья Белого моря и в юго-западных архангельских говорах. По наблюдениям О. Г. Гецовой, эти формы не зафиксированы в мезенских и пинежских говорах; в них бытуют формы на -ее (скорее, бодрее, веселее).

Согласно принятому в истории языка мнению, формы на -ае появились под влиянием форм тишяе, крепчяе, где *ě > а после шипящих законо-

мерно (см., например [18, с. 202]). По данным исторической морфологии, формы на *-ae* были распространены и в московском народном говоре, где они встречаются вплоть до начала XVIII в. Они отмечены у Ломоносова (см. [12, с. 5]) и Сумарокова [18, с. 202]. По мнению С. В. Бромлей, эти формы проникли в московский говор под влиянием диалектов, где они были широко распространены, т. е. севернорусских: «Есть все данные для того, чтобы считать, что форма на *-ae* проникала в литературный язык в силу того, что уже в XVII в. была известна в говорах, принимавших участие в формировании литературного языка» [19, с. 426].

По данным Московской диалектологической комиссии, окончание сравнительной степени прилагательных *-ae* было распространено в севернорусских говорах в следующих губерниях: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Вятской, Пермской, Уфимской, Новгородской, Ярославской, Костромской. Данные современной лингвогеографии подтверждают устойчивость этой черты в том же ареале (см. [20], а также [21, карта 58]).

Итак, формы на *-ae* появились в севернорусских говорах, закрепились в них и существуют по сей день. В связи с этим возникает ряд неясностей. Во-первых, если эти формы возникли по аналогии, под влиянием форм типа *крѣпчѣе*, *ближѣе*, то почему действие этой аналогии затронуло именно севернорусские говоры? Значит, были какие-то фонетические предпосылки для укрепления именно этих форм? Во-вторых, если исходить из гипотезы, подвергнутой нами сомнению, о том, что всем русским говорам, и в том числе севернорусским, была присуща единая реализация *ѣ*, а именно, узкий гласный типа [i̯e] или [e], то в севернорусских говорах должен был бы проходить процесс *ѣ* > 'u' в формах сравнительной степени так же, как и в других случаях, т. е. там следовало бы ожидать форм *скорѣе*, *бодрѣе*. Подобные формы С. В. Бромлей отмечает в севернорусских памятниках: *вѣрнѣе*, *дражнѣе*, *толстѣе*, *лѣпнѣе*, *мудрѣе* [19, с. 430]. Такие формы спорадически представлены и в современных севернорусских говорах [21], хотя они выглядят как единичные исключения из общего правила преобладания форм на *-ae*.

В-третьих, формы на *-ae* распространены именно в том ареале, где регулярно отмечаются результаты перехода **ѣ* > 'e', и на это противоречие уже указывалось (см. [19, с. 432]). Однако именно в этом сочетании двух явлений, как кажется, можно найти причину возникновения на Севере форм на *-ae*. Если высказанная гипотеза о существовании широкой реализации *ѣ* в части севернорусских говоров верна, то именно в этих говорах и появились формы сравнительной степени на *-ae*. Можно предположить, что этот процесс мог проходить следующим образом: *ѣ* в позиции между мягкими согласными дало 'e', т. е. **ѣе* > *ее*, и формы сравнительной степени стали произноситься как *смелѣе*, *бодрѣе*. При этом в тех же говорах прошел процесс перехода 'ā' > 'e'; совпадение рефлексов **ѣ* и **ѣ* в одном звукотипе в одной и той же позиции — между мягкими согласными — создавало базу для появления гиперкорректных форм, поэтому и могли возникнуть формы на *-ae*. Это предположение подкрепляется существованием в тех же севернорусских говорах также и других гиперкорректных форм (хотя и единичных), возникающих на основе нейтрализации двух фонем переднего ряда: **ѣ* и **ѣ* в указанной позиции, ср. *мязь* (= меч) [16, с. 327].

В современных архангельских говорах существуют формы предл. пад. мн. ч. существительных м. р. и ср. р. с твердой основой на *-ax* в *лесѣх*, в *снях*, в *утрѣх*, в *вечерѣх*), а также наречий, образованных от

этой формы: *вмістях* и *вместях*, на *торопях* (часть примеров сообщена автору О. Г. Гецовою). По этой модели, очевидно, образованы и следующие формы, отмеченные нами в архангельских говорах: *в осенях*, на *моих памятях*, а также наречия, зафиксированные Архангельским областным словарем: *в близях* [22, т. 3, с. 58], *вворотях* («сел на лошадь, уехал и вворотях нет» [22, т. 3, с. 62]). Ср. также русское литературное, но устаревшее *в нѣтях*. Известно, что флексия предл. пад. мн. ч. указанных существительных восходит к **-ѣх* (*въ лѣсѣхъ*, *во снѣхъ*). По мнению С. П. Обнорского, «формы на *-ѣхъ*, подвергшись воздействию со стороны обычных форм местного мн. на *-ахъ*, явились в новом виде как формы на *-яхъ* (т. е. на *-ахъ*, но с сохранением мягкости предшествующего согласного основы, палатализовавшегося в связи с положением перед старым окончанием *-ѣхъ*)» [23]. С. П. Обнорский приводит следующие формы такого рода, помимо приведенных выше: *в видях*, на *взглядях*, на *воздушях*, на *глазях*, на *последях*, *назадях*, *в лузях*, *во лузях*, *наследях*, на *сносях*, *второпях*, на *часях*, *в воротях*, а также *вдалях*, на *волях*, *в забытых*, *наполднях*, на *рысях*. Подавляющее большинство примеров, сообщаемых С. П. Обнорским, относится к северной и северо-западной части севернорусского наречия: Арханг. губ.: Арханг. у., Беломорск. у., Вельск. у., Холмогорск. у.; Онежская губ.: Петрозав. у., Повенецк. у., Каргопольск. у., Осташк. у., Псковская губ., Шенкурск. у., Кемь, Вытегорский у., Новгородск. губ., Тихвин, Великолукск. у., Вышневол. у., Новоторж. у., Ржевск. у., Смол. губ., Тверск. губ. Встречаются среди источников приведенных примеров и восточные районы севернорусского ареала (Устюжск. у., Вятск. губ., Котлас, Сольвычегодск, Кологрив, Белозерск, Кириллов), однако примеры с Севера и Северо-Запада количественно явно преобладают.

Формы приведенного типа были, по-видимому, представлены раньше и в литературном языке, но к нашему времени они почти ушли из языка, оставив лишь единичные наречные формы типа *на сносях*, *второпях*, на *воздушях* (устар.), а также устар. *на последях* и *на послѣдях* (ср. у М. Волопина: «С Россией кончено. *На последях* / Ее мы промотали, прокутили, пропили...»).

Если удовлетвориться объяснением Обнорского о происхождении форм предл. мн. на *-'ах*, то возникает вопрос, почему эти формы так широко распространены именно на Севере России и почти полностью отсутствуют в других диалектных зонах? Не потому ли, что само качество **ѣ* было на Севере и на Северо-Западе русской территории иным, чем в других ареалах?

В обследованных нами архангельских говорах отмечены следующие формы глаголов: *съял*, *смотрял*, *сидял*, *сгорял*, *пр'исп'ѣем*.

С. П. Обнорский приводит большой список подобных форм глаголов: *посмотрял*, *посмотрять*, *увидял*, *мѣдял*, *стемняет*, *осыряет*, *присмирял*, *темнѣть*, *шалѣя*, *ошалѣя*, *поцернал* (Арханг., Беломор, Кем., Холмог., Шенк.), *стемнять*, *загорѣться*, *осыряет*, *стемняет*, *промедлять* (Олон. г., Вытег., Каргоп., Петроз., Пуд.); *стемнѣть*, *продлѣть*, *съял*, *видѣть*, *видял*, *стемняет*, *смотрял* (Волог. г., Волог. у., Грязов, Карн., Никол., Сольвыч., Тотем.); *стемнѣть*, *осыряет*, *загорѣться*, *светлѣет*, *краснѣет*, *отемнѣло*, *стемняется* (Новгор., Белоз., Кирил., Устюж., Череп., Герас.). Этот список пополняется еще глаголами *вечеряет*, *белѣютца*, *чернѣютца*, *остолбенѣть*, *зеленѣть* из Вятской губ. [17, с. 16—18]. Все эти формы, зафиксировавшие переход **ѣ > а*, распространены в севернорусском наречии (лишь некоторые из них проникли в московское

просторечие и существуют в нем до сих пор, например, *обеднѣть, обеднѣл; вечерѣть, вечерѣет; темнѣть, темнѣет*).

С. П. Обнорский полагает, что эти формы возникли фонетическим путем: «Можно полагать, что первичное образование новых форм шло от форм *видѣлъ*, но не *видѣть*, *смотрѣлъ*, но не *смотрѣть*, *сѣлъ*, но не *сѣсть* и т. д. и лишь позднее распространилось на прочие формы... Формы *сѣлъ, смотрѣлъ, стемнѣло* и под. произносились с *ѣ*, имевшим в Северной и Вологодско-Вятской группах севернорусского наречия значение звука, среднего между *e* и *i*, ближе к *i*, чем к *e*. Можно думать, что к этому звуковому значению было близко то *e*, которое получилось на базе этих же говоров из *a* между палатальными согласными. Это обстоятельство, при наличии в говорах парных рядов слов типа *пѣть* (из *пять*) при *пятой*, *взѣть* (из *взять*) при *взял* и под., и привело, как к изнанке данного чередования, к появлению чередования форм *смотрѣл* при *смотрѣл*, *сѣл* при *сѣл* и т. д.» [17, с. 19—20]. Иными словами, формы *смотрѣл, сѣл* трактуются С. П. Обнорским как гиперкорректные, возникшие по модели *взели — взял, гулели — гулял*.

Однако если предположение о том, что на значительной части севернорусской территории характер **ѣ* был особый и реализовался **ѣ* в широком, открытом гласном, то естественно предположить, что переход **ѣ > a* совершился в формах глаголов вначале перед твердым согласным, т. е. *смотрѣл > смотрѣл, сѣл > сѣл* и т. п. (поскольку перед мягким согласным **ѣ > e*), а затем тематический гласный *-a-* распространился и на все другие формы: *смотрѣть, смотрѣли; сѣсть, сѣли*.

Следовательно, целый комплекс фонетических и морфологизованных явлений может рассматриваться как основание для предположения об особом характере **ѣ* на части севернорусской территории. Весь комплекс явлений наблюдается на большей территории Архангельской обл., кроме ее южной части (например, каргопольских, вельских, плесецких говоров). И только некоторые компоненты обозначенного комплекса распространены по всем говорам севернорусского наречия. Так, по данным современной лингвогеографии, такое распространение имеют формы сравнительной степени прилагательных на *-ae*, а по данным С. П. Обнорского, формы глаголов типа *смотрѣл, сидѣл*.

Весь отмеченный набор связанных между собой диалектных особенностей наблюдается, кроме указанных в начале статьи архангельских говоров, также и в русских говорах Заонежья. Отдельные наблюдения над рассматриваемыми явлениями в заонежских говорах, сделанные П. Н. Рыбниковым, были приведены в начале статьи. Кроме этих фактов, исследователь отмечает формы *в лисѣх, во снѣх, вмистѣх* [16, с. 350], а также *вернѣе, скурѣй* [16, с. 328]. Там же находим единичные случаи перехода **e > u*, например, *цѣрточка* (черточка) [16, с. 330].

Целый ряд явлений из перечисленных выше можно обнаружить в говорах Заонежья, судя по материалу, приводимому в статье В. В. Колесова [24]. Так, в 1-м предударном слоге неоднократно отмечается в соответствии с **ѣ* произношение *a* (при отсутствии *ляпанья*): [б'адá, б'адóвыи, в'арнá, по д'алáм, цв'атý, м'астá, м'астám'и, пр'ип'авáэт]. Отмечены в этих говорах также случаи произношения [a] на месте **ѣ* и в слоге под ударением [пр'ид'áлоц'ка к ц'улáну, с кв'áтом, гн'áзда, зв'áздоц'к'и, гром р'áскн'ет].

Есть в этих говорах и другие компоненты комплекса, свойственного архангельским говорам: 1) произношение [и] на месте **e, *ѣ* (кон'иц', мал'и́н'ко, пос'т'и́л, сп'и́р'ва, п'и́ч'ка, т'ис' = *тесть*); 2) переход **ä > e*

(гл'ен', гр'ес', с'эд'еш, п'эт'еро, пр'ес'т'); 3) *ě > а в тематическом гласном глаголах (роскв'áў, уц'ел'áў).

Анализ приведенного В. В. Колесовым материала позволяет считать, что в говорах Заонежья реализация *ě в широком гласном представлена даже более последовательно, чем в архангельских говорах.

Известно, что во многих ляпающих заонежских говорах при переносе ударения на 1-й слог *ě и *е, *ь дают одинаковые рефлексы [ẽ] или [æ]: [м'áшк и н'áсу, м'еáшк и н'еáсу].

Однако в работе [25], где рассматриваются разные системы вокализма в заонежских говорах, отмечаются и такие системы, где при переносе ударения на начальный слог, т. е. при ляпанье, или в «новых энклименах» (термин А. В. Тер-Аванесовой), *ě, с одной стороны, и *е, *ь с другой, дают разные рефлексы, причем *ě реализуется в гласном пониженно-го подъема — [e], а *е, *ь — в огубленном гласном [o] (см. [25, с. 222]). В таком случае возможно, что совпадение рефлексов *ě и *е, *ь в гласном типа [æ] или [ẽ] в других заонежских говорах — более позднее явление, чем исконное различие этих гласных.

Самым убедительным доказательством справедливости высказанной гипотезы были бы примеры графической мены Ъ и Ѧ в памятниках севернорусской письменности, однако такие факты автору неизвестны. Они не приводятся ни А. А. Шахматовым [3], ни В. В. Виноградовым [5]. Отсутствуют такие данные и в новгородских берестяных грамотах (см. [26]). Все исследователи указывают на случаи мены букв Ъ и И, Ъ и Е.

Если, тем не менее, высказанная гипотеза справедлива, то часть севернорусских говоров, а именно та, для которой можно реконструировать «широкое *ě», типологически сближается в этом отношении с другими областями славянского мира: с польским языком и его говорами, с отдельными говорами чешского языка, с болгарским языком и с чакавскими говорами сербско-хорватского языка (см. [2]).

В таком случае выявится еще один фонетический признак, объединяющий часть русского Севера с западом и югом славянского мира. Из других общих признаков можно назвать корреляцию согласных по напряженности / ненапряженности (см. [11]), наличие палатального ряда согласных [7, 8, 10] (к сожалению, этот последний признак, весьма важный для типологии фонологического описания славянских языков и их диалектов, не нашел отражения в Общеславянском лингвистическом атласе [1]). Есть и еще одна фонетическая черта, обнаруженная нами в архангельских говорах и свойственная также польскому языку и его говорам. Это спорадически появляющееся в речи в соответствии с фонемой <л> в реализации несмычных согласных типа [j̥] в инициальной и интервокальной позициях, например [упáўа, знáўа, ход'йўа; ўóтка (= лодка), н'е свар'ит' п'ива ўаднóго) — пинежск. Такие реализации фонемы <л> представлены во многих архангельских говорах, хотя и нерегулярно. Отмеченные реализации <л> в указанных позициях ранее фиксировались только в говорах северо-востока (см. [27]).

Подтверждение высказанной в статье гипотезы было обнаружено в работах, посвященных ранним (VII—IX вв.) заимствованиям финскими языками из древнерусского языка, а точнее из его псковского и новгородского диалекта. В этих заимствованиях *ě передавалось через ää (например, *määrä* — мѣра, *läävä* — хлѣбъ, *räähkü* — грѣхъ). Таким же образом передавалось и *ě (например, *räätü* — рждѣ). Поскольку *е передавалось также посредством ä, но краткого (*pätsi* — печь), см.

[28, 29], то различие между *ѣ и *е, по-видимому, основывалось на отношениях долготы / краткости, но не тембра.

Эти данные позволяют с большей определенностью высказать предположение, что северо-западным диалектам древнерусского языка были свойственны широкие, открытые гласные в соответствии с праславянским *ѣ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общеславянский лингвистический атлас. Вып. I: Рефлексы ъ. Белград, 1988.
2. Stieber Z. Jak brzmiało prasłowiańskie jat? Prace filologiczne. T. III. № 2. Warszawa, 1964.
3. Шахматов А. А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885—1895.
4. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
5. Виноградова В. В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия // Сб. ОРЯС. 1919. Т. XXIV. Кн. 1—2.
6. Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.
7. Кузнецова А. М. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
8. Кузнецова А. М. Разновидности способа образования согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
9. Касаткин Л. Л. К истории сочетания чьн и шепелявья в русском языке ([с'п'] на месте чьн и смежные фонетические явления в одном архангельском говоре) // Диалектография русского языка. М., 1985.
10. Калынь Л. Э. Опыт фонологического описания русского говора одного пункта, входящего в сетку ОЛЯ // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.
11. Kasatkin L., Kasatkina R. The correlation of the tense — lax consonants in some Russian dialects and in other Slavic languages // Proceedings XIth JCPHS. V. 5. Tallinn, 1987.
12. Грандильевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Областной крестьянский говор // Сб. ОРЯС. 1907. Т. LXXXIII. Кн. 5.
13. Пожарицкая С. К. Некоторые закономерности варьирования безударных о и е в окружающих говорах // Проблемы доказательства и типологизации в фонетике и фонологии: Материалы Всесоюзного совещания. М., 1989.
14. Калынь Л. Э., Вендина Т. И. Опыт обобщающих карт в ОЛЯ // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985.
15. Касаткин Л. Л. Об условиях и времени изменения ъ > и и ä > е в русских говорах // Rling. 1985. V. 9. № 2—3.
16. Рыбников П. Н. Об особенностях Оловецкого подречья // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. III. СПб., 1867.
17. Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
18. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд. М., 1954.
19. Бромлей С. В. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII веков. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
20. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 277.
21. Диалектологический атлас русского языка. Вып. II: Морфология, М., 1990.
22. Архангельский областной словарь / Под ред. Гецовой О. Г. Вып. 1—7. М., 1980—1990.
23. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2: Множественное число. Л., 1931. С. 365.
24. Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. М., 1975.
25. Тер-Аванесова А. В. Об одной славянской акцентной инновации // Славянское и балканское языкознание: Просодия. М., 1989.
26. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 105—109.
27. Бромлей С. В. О происхождении л «среднего» в русских говорах // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 72.
28. Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1963. S. 77.
29. Kiparsky V. Über die Vertretung des *ѣ in den Slav. Lehnwörtern der Ostseefinn. Sprachen // FuF. 1946. Bd. XXIX.